

Francesca Stella. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia. Post/Socialism and Gender Sexualities.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 189 p.

Книга научной сотрудницы Университета Глазго, социолога Франчески Стеллы посвящена негетеросексуальным женщинам в позднем СССР и постсоветской России. Эта работа в любом случае важна для историографии, поскольку вводит в научный оборот значительный эмпирический материал (анализ базируется более чем на 70 интервью), однако анализ, который предлагает исследовательница, весьма уязвим. Одной из главных целей своей работы Стелла считает отказ от западноцентричной концепции гомосексуальности и ее теоретических линз и написание более нюансированной истории женской гомосексуальности. Тем не менее получившийся нарратив, хотя и содержит ценные наблюдения и яркие факты из жизни лесбиянок в позднем СССР, не показывает убедительно специфичности, «инаковости» женской постсоветской гомосексуальности.

Ключевые слова: гомосексуальность, СССР, лесбиянки, ЛГБТ, гендер.

Истории сексуальности и, в частности, гомосексуальности в России до сих пор не существует — что не может казаться удивительным в условиях современной государственной дискриминации гомосексуалов. Последнее, безусловно, влияет на недоступность темы как проблемного поля в высшей школе и в гуманитарной российской науке в целом; сильный центр гендерных исследований ЕУСПб — один из немногих в стране. Публикации по данной теме также редки. Прежде всего это фундаментальная монография канадско-британского историка Дана Хили [Хили 2008], основанная на множестве впервые выявленных исторических документов¹. К теме гомосексуальности на протяжении всей своей карьеры обращался социолог Игорь Кон [Кон 1997], который, впрочем, анализировал лишь известные источники, как и Саймон Карлинский [Karlinsky 1982]. Вместе с тем современная государственная гомофобия имеет более глубокие корни, что существенно для разговора о табуированности сексуальности и шире — навыка рефлексии о себе — в российском обществе.

Ирина Александровна Ролдугина
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва
mozzgi@gmail.com

¹ Оригинальная публикация вышла в 2001 г. [Healey 2001].

Страх вербализации области интимного и сексуального насаждался в 1930-е гг. и был составной частью политических репрессий. Этот страх находится в центре явления, названного в историографии правым сталинским поворотом. Закон о запрете аборт, рекриминализация мужеложства, усложнение процедуры развода наряду с выкорчевыванием из публичной сферы любого индивидуального голоса, ставка на коллективное сознание, поиск врагов, показательные процессы — у этих явлений масса последствий, одно из которых до сих пор слабо осмыслено социологами и историками. Личное перестало быть политическим, достижения 1920-х гг. (смелая эмансипационная политика в области гендера, ударно реализуемая женская политика — с возникшими женотделами, специализированной прессой, квотами) оказались заменены декларативно-абстрактными нуждами *советского народа* и исчезли из реальности. Что-то сохранилось лишь на бумаге. Разумеется, этот дискурс не был монолитным: в сталинский период он был крепче, во время оттепели до определенной степени расшатался и, казалось бы, практически исчез во время перестройки. Однако разговор о собственном интимном опыте в постсоветской России не приобрел не то что терапевтической массовости, но и в общественном сознании в целом остался маргинальной практикой. Было бы интересно понять, как это связано с текущей российской ситуацией — слабостью парламентаризма, недоверием граждан друг к другу, которое фиксируют социологи, социально-политической апатией.

За вторую половину XX в. в СССР по статье «мужеложство» были осуждены десятки тысяч мужчин¹. В отличие от осужденных по политической 58-й статье, они не были реабилитированы и в массовом сознании никогда не принадлежали к жертвам политических репрессий. На страницах произведений В. Шаламова и мемуаров Е. Гинзбург им достались одни из самых макабрических эпитетов: их и другие мемуары выживших в ГУЛАГе анализирует Ади Кунцман [Kuntsman 2009: 308–328]. Это отношение в среде либеральной интеллигенции во многом сохранилось — возможно, в чуть более смягченном виде. Вопрос о выплате компенсаций, как, например, это было в Германии (в нацистской Германии, а затем некоторое время и в ФРГ, и в ГДР гомосексуальность была уголовно наказуема), в России никогда не поднимался.

Стену молчания цементирует и российская архивная политика, претерпевшая ряд изменений уже в путинское президент-

¹ Статистика с 1961 г. доступна в: ГАРФ. Ф. Р9492. Министерство юстиции СССР.

ство¹. Благодаря 75-летнему ограничительному сроку на доступ к документам, содержащим личную тайну (что именно подпадает под это определение, решают сами сотрудники ведомственных архивов), исследователю может быть отказано в ознакомлении фактически с любым архивным документом, касающимся советских репрессий. Дела по статье «мужеложство» хранятся в ведомственных архивах и могут быть получены лишь особо пытливыми родственниками осужденных. В этом Россия сильно отличается, например, от стран Восточной Европы, где исследования (гомо)сексуальности при социализме находятся в центре академической гуманитарной науки [Rudusa 2014; Sokolova 2014].

Однако, несмотря на то что история мужской гомосексуальности в советское время еще далека от статуса хорошо изученного научного сюжета, когда-нибудь источники все-таки окажутся в распоряжении специалистов. Но что мы можем сказать о гомосексуальных советских женщинах? Уголовная статья за «мужеложство», существовавшая в светском законодательстве с петровского времени, криминализовала лишь мужской однополый секс. Тем самым гомосексуальные женщины, хотя и избавленные от прямого уголовного преследования — в том числе и в советское время, оказались для исследователей практически невидимыми. Недоступность прямой речи порождает не подкрепленные фактами, но не исключаемые логикой контекста истории о принудительном психиатрическом лечении гомосексуальных женщин в СССР [Хили 2008: 294]. Насколько вообще они были различимы визуально и дискурсивно властями, медиками, юристами и простыми обывателями? Как осмыслили себя в плотном дискурсе нормативности? Как находили друг друга? И находили ли?

Закрытость российских архивных фондов и невозможность получить дела осужденных в СССР по 121-й статье, впрочем, в последнее время успешно преодолеваются иностранными славистами. Один из примеров тому — диссертация Артура Клеша (научный руководитель — Ален Блюм), посвященная гомосексуальным мужчинам и женщинам в позднесоветской России, которая сейчас готовится к защите в Высшей школы социальных наук в Париже [Clech 2016]. В своем исследовании Клеш использовал метод глубинного интервью. Тот же метод выбирает и Франческа Стелла, автор рецензируемой монографии о лесбийской субкультуре в позднесоветское и постсоветское время. Работа основана на ее докторской диссертации (PhD),

¹ См. об этом в статье Никиты Петрова «Десятилетие архивных реформ в России»: <<http://index.org.ru/journal/14/petrov1401.html>>

защищенной в Университете Глазго в 2009 г., под названием “Lesbian Identities and Everyday Space in Contemporary Urban Russia”. В книге, написанной на основе диссертации, Стелла свою задачу усложнила: она описывает не просто лесбийские идентичности и их место в современном российском городском пространстве, но и, во-первых, помещает их в дополнительный временной контекст — советский и постсоветский и, во-вторых, вводит в обсуждение дополнительный параметр — социалистическую модерность.

Главная задача монографии, как постулирует ее исследовательница, заключается в анализе жизненных практик негетеросексуальных советских и постсоветских женщин в специфическом социоэкономическом контексте и отказе от автоматических заимствований западной квир-теории. Такая постановка вопроса имеет смысл и бросает вызов редким работам, посвященным гомосексуальности в постсоветской России, выполненным несколькими американскими славистами в два последних десятилетия. Все они так или иначе характеризуют российскую (гомо)сексуальность как более подвижную и неопределенную по сравнению с бинарной западной парадигмой [Баер 2009; Эссиг 1999; Сараева 2001; Туллер 1996]¹.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения, а также снабжена таблицей анонимных социодемографических данных респонденток, с которыми работала исследовательница (71 человек). Во введении Стелла объясняет, что книга — результат двух разных исследований, в каждом из которых она использовала данные устных интервью двух разных групп респонденток. Большая часть из них была опрошена в связи с исследованием современной российской женской негетеросексуальности, ее проявлений в различных социальных (работа, дом, специфическое лесбийское пространство, неформальные сети и т.д.) и географических контекстах (Москва, Ульяновск). Второй проект, основанный на значительно меньшем количестве интервью с представительницами последнего советского поколения и по сути являвшийся составной частью первой работы, был нацелен на анализ женской гомосексуальности при социализме, а значит, и выявление возможного поколенческого сдвига в восприятии и практиках.

Предпринятый исследовательницей во введении анализ актуальных социальных теорий — квир-теория, интерсекционализм и проблема приписывания сексуальной идентичности, ее подвижности («карьерные идентичности»), эпистемология сексуальности Мишеля Фуко, теория гендерного перформанса

¹ Эти исследователи — не историки: Эссиг — социолог, Туллер — журналист, Баер — филолог.

Джудит Батлер плюс десятки работ не переведенных на русский язык западных социологов — демонстрирует любопытный парадокс. Автор не раз оговаривается, что любое противопоставление между «Западом» и «Востоком», экзотизация и эссенциализация советской / российской (гомо)сексуальности не кажутся ей плодотворными. Она уверенно перебирает десятки западных теорий и направлений в исследовании гомосексуальности лишь для того, чтобы благоразумно дистанцироваться от излишне увлеченного следования какой-либо из повесток. Парадокс же состоит в том, что терминология, которой оперирует Стелла, по большей части не просто неизвестна в России, но и переводится на русский язык с большими сложностями. Тем самым весь понятийный аппарат книги оказывается в высшей степени вторичным по отношению к социальной реальности (особенно когда речь заходит о позднем социализме), которую он описывает. На ум приходит высказывание Квентина Скиннера, что «верным признаком того, что группа или общество осознанно овладели новым понятием, служит развитие соответствующего словаря, позволяющего осмысленно выделять и обсуждать понятие» [Скиннер 2005: 145]. Давно подмеченное отсутствие разработанного словаря для анализа сексуальности на русском языке, разумеется, не может служить препятствием для употребления и описания российской ситуации с помощью западной терминологии. Тем не менее эта практика вызывает вопрос — в какой степени западная теория, пусть прекрасно и тонко отрефлексированная, *конструирует* эту реальность, а в какой пытается ее проанализировать и осмыслить. Именно это становится одной из главных интриг книги.

Первая вводная глава посвящена методологии книги; вторая — «Однополые сексуальности и советский / постсоветский гендерные порядки» — ставит задачу проанализировать исторический контекст проблемы: как именно позднесоветская нормативность влияла на негетеросексуалок? Исследовательница кратко описывает институциональную историю криминализации гомосексуальности в России, отмечая, что ее недостаточно для понимания механизмов подавления и контроля однополого влечения в России. По мнению Стеллы, даже бóльшую роль (особенно если речь идет о женщинах) в этом играет советский этакратический гендерный порядок. Стелла подтверждает этот тезис выдержками из интервью со своими респондентками старшего возраста, часто имевшими за плечами гетеросексуальный брак. В третьей главе «Лесбийские отношения в позднесоветской России» она показывает, что брак мог быть обусловлен самыми разными причинами — желанием иметь ребенка, решением проблем с жильем или пропиской, стрем-

лением избавиться от давления родственников. «Нормальная» семья и статус матери легитимировали женщину, одновременно развязывая ей руки: заключив с государством этот символический гендерный контракт [Роткирх, Темкина 2002]¹, женщина могла жить свободнее и в рамках этой нормативной конструкции обрести безопасное пространство для своих гомосексуальных практик.

Стелла также ставит под вопрос существующую в научной литературе информацию (впрочем, очень ограниченную) о психиатрическом лечении лесбиянок в 1980-е гг. [Gessen 1994; Essig 1999]. По ее мнению, эту практику нельзя считать универсальной: никто из ее респонденток старшего поколения не упоминал о принудительном лечении, хотя некоторые и сталкивались с медиками, иногда даже по собственному желанию. Свою гипотезу она пытается обосновать с помощью примера из жизни респондентки, которая рассказывает о товарищеском суде, организованном у нее на работе после того, как ее застали с женщиной (речь идет о середине 1980-х гг.). И хотя такое внимание к давлению дискурсивной нормативности, основанному на конкретном человеческом опыте, вызывает доверие и сам тезис кажется убедительным, возникает вопрос, насколько вообще возможно и необходимо судить о доминировании одной модели гетеронормативного давления — дискурсивной над другой — институциональной (медики, психиатры, школа) в рамках исследования, ограниченного менее чем сотней женщин? Тем более что сама исследовательница ранее подчеркивала отсутствие лесбийского сообщества и невозможность неофициальной групповой общности в советское время. Откуда вообще могут появиться истории о принудительном лечении, пока архивы недоступны? Опыт репрессивной медикализации не принадлежит к тем, которыми человек с легкостью станет делиться, — тем более *советский* человек, для которого патологичность была не только ярлыком, но часто навязанным внутренним ощущением. И последнее, конечно, не удивительно в контексте информационного вакуума и плотной окружающей нормативности.

Вместе с тем в этой же третьей главе обсуждается еще одна важная проблема, касающаяся языка и идентичностей. Стелла подтверждает, что практически все респондентки старшего поколения неохотно называют себя лесбиянками. С браком в прошлом, детьми и внуками они достаточно неловко рефлек-

¹ Сам термин «гендерный контракт», на мой взгляд, нуждается в проработанной критике. «Контракт», как правило, представляет собой продукт взаимной договоренности, и по этой причине данный термин не очень точно описывает положение советских женщин, для которых гетеросексуальный брак был фактически безальтернативным.

сируют относительно того, кем себя считают. Стелла полагает, что ни о какой специфически российской, текучей и переменной сексуальности речь не идет. Дело в другом: позднесоветский контекст, в котором они жили, не давал возможности вписать или причислить себя к специфической сексуальной субъективности, поскольку ее попросту не существовало. Эта проблематичность самоописания контрастирует с ответами респонденток (взрослевших в постсоветской России, в пространстве достаточно плюралистичного сексуального дискурса), которые, во-первых, не были вписаны в советский гендерный контракт, а во-вторых, выросли в совершенно иной информационной среде. Это умозаключение, в свою очередь, ведет к еще одному решению проблемы, которую Стелла не затрагивает вовсе, но которую объясняют ее данные: существующий разрыв между старшим «последним советским» поколением лесбиянок и более молодым. Дело не только в том, что сексуальность в российском обществе в целом ассоциируется с молодостью и детородным возрастом (хотя и в этом тоже). Важнее всего то, что современному поколению российских лесбиянок, по крайней мере тем из них, кто остановился на этой идентичности и принял ее, позднесоветский лесбийский опыт в принципе чужд. В лучшем случае он будет восприниматься с жалостью, в худшем — как стигма двойной жизни. По крайней мере, очевиден поколенческий разрыв в социализации молодых и более возрастных лесбиянок в России.

В последних трех главах монографии Франческа Стелла переходит от темпорального анализа к пространственному: как лесбиянки ведут и ощущают себя в пространстве дома, улицы, работы? Какое место занимает гомофобия в их жизни и как она проявляет себя? Эта часть книги демонстрирует достаточно очевидные вещи: что пространство родного дома, мыслимое символически безопасным и уютным, для гомосексуальных женщин таковым почти никогда не является, что гомофобия, особенно в относительно небольших городах вроде Ульяновска, распространяется не только на гомосексуальную женщину, но и на членов ее семьи. На работе ситуация похожая, по крайней мере это следует из того, что говорят Стелле респондентки («Я просто не афиширую это на работе», р. 91). Автор перечисляет и возможные последствия каминг-аута (coming out): травля, препятствия в карьерном росте, угроза увольнения. Сравнение Москвы и Ульяновска и способов социализации лесбиянок в этих городах тоже предсказуемо: более плюралистичная Москва с некоторым количеством тематических заведений и даже открытое пространство с визуально различимой женской гендерной ненормативностью — Тверской бульвар; на этом фоне Ульяновск воспринимается тюрьмой. Впрочем,

сами респондентки, которые живут в городе на Волге, говорят просто «вернитесь в реальность» и объясняют, как именно они под нее подстраиваются.

Стелла отмечает во введении, что хотела бы избежать клише западных квир-теоретиков и создать более нюансированную картину жизни негетеросексуальных женщин в России. Кстати, подобное исследование, но в формате статьи уже было проведено [Зеленина 2007]. Она приходит к выводу, который опять-таки трудно назвать неожиданным, о том, что каминг-аут, в западной историографии воспринимающийся как центральный концепт для ЛГБТ, манифестация, означающая внутреннее и внешнее освобождение от страхов, стыда и угнетения, на самом деле не является универсальным положительным опытом. Напротив, в российском контексте он ведет к потере символического статуса, проблемам в отношениях с родственниками и работодателями; иногда последствия могут быть даже более серьезными. Каминг-аут, напоминает исследовательница, — практика, глубоко укорененная в историческом контексте, совпавшая одновременно со второй волной феминизма и развертыванием гомофильного движения в США в 1960–1970-е гг. В СССР не было ни того, ни другого. Это другая, (пост)социалистическая модернность, заключает Стелла. Концепт «отставания» и лобовое сравнение ситуаций с правами ЛГБТ и особенностями борьбы за эти права на «Западе» (заключенном в кавычки в качестве нормативной парадигмы) и в странах (пост)социалистического блока являются колониальными и не помогают в анализе отличающихся ситуаций. Однако это стремление дистанцироваться от западноцентричного восприятия гомосексуальности, обусловленное и прекрасной теоретической подготовкой, и симпатией к респонденткам, на самом деле не делает российскую ситуацию «другой» и не помогает понять, в чем ее «инаковость», увидеть перспективу за внимательным к деталям перечислением проблем, возникающих у российских лесбиянок дома, на работе, на улице. Не говоря уже о том, что социалистическая модернность вообще-то не данность, а точно такой же исторический контекст, которому предшествовала другая, если угодно «превращенная», модернность. Например, исторические исследования демонстрируют значительную близость положения и самосознания российских гомосексуалов в первой четверти XX в. и гомосексуалов из Веймарской республики и крупных городов США [Chauncey 1994]. Более того, самосознание раннесоветских гомосексуалов было в гораздо большей степени эмансипированным: повлияла и отмена большевиками уголовной статьи за «мужеложство», и плюралистичная раннебольшевистская политика в отношении пола, наделявшая

экспертов — медиков, юристов, психиатров — правом решающего голоса [Ролдугина 2016].

Книга выглядит исключительно комплиментарной по отношению к тем, чьи практики и самосознание она анализирует, но достигается этот эффект именно за счет экзотизации опыта российских женщин и сглаживания множества проблемных вопросов, которые так и остались незадаанными. Разумеется, всегда можно указать на определенный круг респонденток и невозможность осветить все феномены, связанные с гомосексуальной идентичностью в российском контексте, но выходит так, что за бортом научного анализа остались самые сложные сюжеты. Например, феномен ЖСЖ (женщины, имеющие секс с женщинами, аналогичный термин «МСМ» изначально употреблялся в контексте ВИЧ-адвокации по отношению к мужчинам, которые практиковали гомосексуальный секс, но отказывались называть себя геями). Речь идет о женщинах, которые могут быть в браке, иметь детей или же просто сохраняют все гетеросексуальные привилегии, но в интимной жизни предпочитают секс с женщинами. Этот феномен высвечивает сразу несколько тем: иерархия в женских однополых отношениях; тема насилия — эмоционального и физического, которую Стелла не поднимает вовсе; поддержка дискриминации женщинами, которые жонглируют своими идентичностями в зависимости от ситуации. Объяснять эти явления лишь страхом за собственную безопасность — в исследовательском отношении тупиковая стратегия. Подобный страх преодолевали и в США, и в других странах, где для некоторых фигур из ЛГБТ-сообщества публичность заканчивалась смертью. Важно было бы проанализировать взаимосвязь этих явлений с порядком нормативной сексуальности, продемонстрировать, что женские однополые отношения часто являются калькой с гетеросексуальной матрицы, но из-за того, что последствия этого не вербализуются, они остаются невидимыми, а сами отношения романтизируются.

Неосмысленным остался и ключевой методологический вопрос. Как и на каких принципах может быть построен разговор исследователя-иностранца и женщин, для которых не позиционировать себя, не осмыслять свой опыт и не «выпячивать» свою идентичность — как они считают, залог выживания и спокойной жизни? Насколько откровенны респондентки, насколько готовы делиться не только своим опытом взаимодействия с гомофобным окружением, но и историей собственных поступков и реакций? Какую роль в процессе взаимодействия может играть желание понравиться заинтересованному человеку другой культуры и как это может отразиться на итоговом нарративе последнего? Какие еще приемы могли бы быть

использованы для получения более сложной и противоречивой (как и сама социальная реальность) картины жизни лесбиянок в России — возможно, анонимное анкетирование? Другим подходящим методом кажутся автобиографии: ими воспользовалась финский социолог Анна Роткирх, изучавшая лесбийские отношения в позднесоветский период. Хотя Роткирх опирается лишь на два автобиографических текста, ей удается показать значение факторов, которые в работе Стеллы отсутствуют, например классовость (не в марксистском, разумеется, значении), оказавшую значительное влияние на формирование женской субъектности [Роткирх 2002].

Западная школа социологии известна своей фундированной методологией работы с респондентами во время глубинных интервью. Вопросы, которые исследователь впоследствии будет задавать «в поле», подробно рассматриваются, критикуются и защищаются перед комиссией. Сам по себе метод включенного наблюдения, который, судя по всему, использовала Франческа Стелла, с одной стороны, приближает к субъектам исследования, с другой — в какой-то мере обезоруживает. Дружеское общение, особенно когда речь идет о стигматизированной, узкой группе женщин, многие из которых стремятся избегать открытого разговора о себе, создает крайне неблагоприятную для исследовательского взгляда ситуацию — этот взгляд выхватывает людей и их опыт, но отодвигает критическую перспективу. Нежелание оценивать опыт российских лесбиянок сквозь западнцентричные линзы упирается в некритичность по отношению к материалу и эссенциализацию женского опыта в целом, т.е. происходит именно то, чего автор изначально хотела избежать.

Библиография

- Зеленина Г.* «И нас по-иному уже не заставишь»: портрет одной субкультуры в юности // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. С. 270–296.
- Кон И.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: ОГИ, 1997. 464 с.
- Ролдугина И.* «Почему мы такие люди?» Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России // Ab Imperio. 2016 [в печати].
- Роткирх А.* Любовь со словами и без слов: опыт лесбийских отношений в позднесоветский период // Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.). В поисках сексуальности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 452–469.
- Роткирх А., Темкина А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

- Скиннер К.* Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3. С. 143–152.
- Хили Д.* Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008. 648 с.
- Baer J. B.* Other Russias, Homosexuality and the Crisis of Post-Soviet Identity. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 328 p.
- Chauncey G.* Gay New York. Gender, Urban Culture, and the Making of the Gay Male World 1890–1940. N.Y.: BasicBooks, 1994. 478 p.
- Clech A.* Les homosexuel-le-s en question de l'époque soviétique tardive jusqu'à aujourd'hui: des "dissidents" sexuels?: Thèse de doctorat. P.: EHESS, 2016.
- Essig L.* Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other. Durham, NC: Duke University Press, 1999. 244 p.
- Gessen M.* The Rights of Lesbians and Gay Men in the Russian Federation. San Francisco: IGLHRC, 1994. 120 p.
- Healey D.* Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 376 p.
- Karlinsky S.* Gay Life before the Soviets: Revisionism Revisited // Advocate. 1982. No. 339. P. 31–34.
- Kuntsman A.* "With a Shade of Disgust": Affective Politics of Sexuality and Class in Memoirs of the Stalinist Gulag // Slavic Review. 2009. Vol. 68. P. 308–328.
- Rudusa R.* Forced Underground: Homosexuals in Soviet Latvia. Riga: Mansards, 2014. 144 p.
- Sarajeva K.* Lesbian Lives: Sexuality, Space and Subculture in Moscow. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2001. 217 p.
- Sokolova V.* State Approaches to Homosexuality and Non-Heterosexual Lives in Czechoslovakia during State Socialism // Havelkova H., Oates-Indruchová L. (eds.). The Politics of Gender Culture under State Socialism: An Expropriated Voice. N.Y.: Routledge, 2014. P. 82–109.
- Tuller D.* Cracks in the Iron Closet: Travels in Gay and Lesbian Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 328 p.

Ирина Ролдугина

Review of Francesca Stella, *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia. Post/Socialism and Gender Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015, 189 pp.

Irina Roldugina

National Research University Higher School of Economics, School of History
20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia
mozzgi@gmail.com

This review considers the Glasgow-based sociologist Francesca Stella's recently published book on Soviet and Post-Soviet lesbians in contemporary Russia. Stella's research was based on 71 interviews she conducted with Russian non-heterosexual women from Moscow and the relatively small provincial city of Ulianovsk. The main questions the author posed are significant. What does it mean to socialise as a lesbian in late Soviet Russia and is a typical social life possible at all? What kinds of specific traits include "home" as a symbolically meaningful space for Russian lesbians? How should one to perceive the "coming out" practice within the Russian context, and does it have the same value and outcome as the Western phenomenon? Stella specifically notes that she would like to avoid direct comparison when discussing Western and non-Western homosexual paradigms in order to analyse Russian lesbian experience in a more nuanced way. She is not, however, completely successful in doing so. Being extremely considerate toward her sources and focusing mainly on the context ("home", "work", "street"), Stella fails to achieve a critical analysis of lesbians' own experience and way of thinking, which leads to the very exoticisation that she sought to avoid at the beginning. Nonetheless, this book is a valuable study and one among very few works, specifically focusing on Russian lesbians.

Keywords: homosexuality, USSR, lesbians, LGBT, gender.

References

- Baer J. B., *Other Russias, Homosexuality and the Crisis of Post-Soviet Identity*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009, 328 pp.
- Chauncey G., *Gay New York. Gender, Urban Culture, and the Making of the Gay Male World 1890–1940*. New York: BasicBooks, 1994, 478 pp.
- Clech A., *Les homosexuel-le-s en question de l'époque soviétique tardive jusqu'à aujourd'hui: des "dissidents" sexuels?: Thèse de doctorat*. Paris: EHESS, 2016.
- Essig L., *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. Durham, NC: Duke University Press, 1999, 244 pp.
- Gessen M., *The Rights of Lesbians and Gay Men in the Russian Federation*. San Francisco: IGLHRC, 1994, 120 pp.

- Healey D., *Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent*. Chicago: University of Chicago Press, 2001, 376 pp.
- Karlinsky S., 'Gay Life before the Soviets: Revisionism Revisited', *Advocate*, 1982, no. 339, pp. 31–34.
- Kon I., *Klubnichka na berezke: Seksualnaya kultura v Rossii* [Sexual Culture in Russia: Little Strawberry on a Birch Tree, Moscow: OGI, 1997, 464 pp. (In Russian).
- Kuntsman A., "'With a Shade of Disgust': Affective Politics of Sexuality and Class in Memoirs of the Stalinist Gulag', *Slavic Review*, 2009, vol. 68, pp. 308–328.
- Roldugina I., "'Pochemu my takie lyudi?'" Rannesovetskie gomoseksualy ot pervogo litsa: novye istochniki po istorii gomoseksualnykh identichnostey v Rossii' ["Why Are We This Kind of People?" Early Soviet Homosexuals in Person: New Sources on the History of Homosexual Identities in Russia], *Ab Imperio*, forthcoming. (In Russian).
- Rotkirch A., 'Lyubov so slovami i bez slov: opyt lesbiyskikh otnosheniy v pozdnesovetskiy period' [Love with Words and without Ones: An Experience of Lesbian Affair in the Late Soviet Time], E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds.), *V poiskakh seksualnosti* [Looking for Sexuality]. St Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002, pp. 452–469. (In Russian).
- Rotkirch A., Temkina A., 'Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoy Rossii' [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 11, pp. 4–15. (In Russian).
- Rudusa R., *Forced Underground: Homosexuals in Soviet Latvia*. Riga: Mansards, 2014, 144 pp.
- Sarajeva K., *Lesbian Lives: Sexuality, Space and Subculture in Moscow*. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2001, 217 pp.
- Skinner Q., 'Language and Political Change', Ball T., Farr J., Hanson R.L. (eds.), *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989, pp. 6–23.
- Sokolova V., 'State Approaches to Homosexuality and Non-Heterosexual Lives in Czechoslovakia during State Socialism', Havelkova H., Oates-Indruchová L. (eds.), *The Politics of Gender Culture under State Socialism: An Expropriated Voice*. New York: Routledge, 2014, pp. 82–109.
- Tuller D., *Cracks in the Iron Closet: Travels in Gay and Lesbian Russia*. Chicago: University of Chicago Press, 1996, 328 pp.
- Zelenina G., "'I nas po-inomu uzhe ne zastavish'": portret odnoy subkultury v yunosti' ["We Could Not Be Forced to Feel Another Way": A Snapshot of a Subculture in a Youth], *Novoe literanurnoye obozrenie*, 2007, no. 6, pp. 270–296. (In Russian).